

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ, КОНСТАНТИН ГААЗЕ*

МАРКС И ТЕОРИЯ СОБЫТИЯ МИХАИЛА ГЕФТЕРА**

Получено: 10.06.2020. Принято: 19.06.2020.

Аннотация: В статье предпринимается попытка реконструкции теории события советского философа, социального теоретика и историка Михаила Гефтера. Опираясь на неопубликованные тексты Гефтера 70-х годов XX века, авторы возвращают его версию исторического материализма в контекст дебатов о статусе события и историческом детерминизме, шедших в европейском марксизме в тот период. Базовая развертка исторического материализма Гефтера — диахроническая синхрония, представляет собой одно из интереснейших теоретических решений, в которых комбинируются структурализм и новое прочтение политэкономических работ Карла Маркса. Историческое событие, по Гефтеру, возможно как реализация потенциала диахронической оси «будущее-прошлое» в «историческом настоящем» за счет означивания диахронии синхронией, в противоположность «вечному» событию, которое существует во времени мифа и переозначивает синхронию. Предлагаемая нами реконструкция демонстрирует потенциал исторического материализма и теории события Гефтера для методологии исторического познания, современной социальной теории и спекулятивной философии.

Ключевые слова: теория события, диахроний и синхрония, методология истории, Гефтер, Маркс.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-165-202.

Светлой памяти Теодора Шанина

ИСТОРИЗМ VS СОБЫТИЕ

«Событие повергает идею истории в глубокий кризис. Случившись, оно порывает с прошлым, не принадлежит истории и не может быть ею объяснено. Или никаких событий не существует, или история — это всего лишь репрезентация, гомогенизирующая в последовательность несводимые друг к другу события (которые слишком часто подчиняют трансцендентному суждению из будущего, а не имманентной оценке, в каждом конкретном случае выявляющей внутреннюю консистентность события или вес его существования в становлении)». Смысл этой

*Павловский Глеб Олегович, директор Русского института (Москва), gleb@russ.ru; Гаазе Константин Борисович, магистр социологии; преподаватель, МВСШЭН, kgaaze@gmail.com.

**© Павловский, Г. О.; Гаазе, К. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

дилеммы, сформулированной Франсуа Зурабишвили (1994: 19), прощательным читателем и комментатором Жюль Делеза, не сводится только к игре между онтологией и эпистемологией: за команду бытия играют события, за команду знания — исторические нарративы, которые должны подчинить себе противников и навязать им те или иные порядки связей между ними. Вопрос шире и тревожней.

Если событие является единственной меркой подлинности самого себя, оно противопоставляет себя историческому мышлению как таковому. Октябрь, Холокост, распад СССР, 11 сентября 2001 года, глобальное потепление или пандемия случились или случатся как события-разрывы? Значит, они были ретроспективно неотвратимы и даже хуже — теологически (а не исторически!) неизбежны. И теперь уже нельзя сомневаться в их аутентичности, нельзя походить к ним с релятивистской или конструктивистской меркой. Нельзя задаваться вопросом «могло ли быть иначе», как нельзя спрашивать, можно ли было обойтись без всемирного потопа или гибели Атлантиды.

Эпистемическая проблема такого события-разрыва быстро превращается в политическую. Всегда найдется желающий, который под лозунгом «Иного не дано!» провозгласит свою правоту единственной и неизбежной, а себя — уполномоченным катастрофы, управляющим «оставшимся временем». Вместо продуктивной полифонии мы получим гекатомбу из несводимых, несвязанных и идеологизирующих себя сингулярностей. Не удивительно, что дискуссия о детерминизме и событии вышла за пределы исторической социологии (Mahoney, 2000), и попытки примирить широко понятый историзм с идеей события-разрыва предпринимаются повсеместно: от спекулятивной философии до политической теории.

Спекулятивный реализм предлагает идею «диа-хронии», «временного разрыва между миром и отношением к миру» (Мейясу, Медведева, 2015: 168), чтобы поместить «немыслимые» доисторические события как онтологические факты в контингентную, но не случайную временную последовательность. При помощи коинцидентальной онтологии рассмотрение «континуума событий» возможно за пределами навязываемой альтернативы из руководящего ими трансцендентного принципа или полной автономии их сингулярностей (Регев, 2015). В объектно-ориентированной онтологии есть понятие мерологии, описывающее встроенные друг в друга временные режимы разных объектов (Брайнт, 2019), вполне в духе требования Марка Блока дать каждому из рассматриваемых историком феноменов свое историческое время. «Политический семиозис», продукт комбинирования семиотики Греймаса и нарратологии

Поля Рикера, обосновывает конституитивность «формы» (как нарративной, так и эпистемологической) для вызревания и артикуляции событий (Wagner-Pacifici, 2017), историзм, таким образом, возвращается через неслучайность «форм». Новый исторический материализм преодолевает разрыв между рационализмом (историческим мышлением) и эмпиризмом (догматом о сингулярном событии), превращая историю в лабораторную, в сущности, науку, изучающую «симуляции» сингулярных событий в режиме их «ослабленной эмерджентности» (Bedau, 2008; Coombs, 2015).

Какое отношение могут иметь работы Михаила Гефтера (1918–1995), которому посвящен настоящий выпуск журнала «Философия», к этим бурлящим авангардным дебатам? Хочется избежать банальностей, вроде «актуален как никогда», «опередил свое время» и прочих им подобных. Мышление Гефтера было политически посюсторонним, поскольку он связывал себя императивом участия в истории, и даже «необходимостью участия в Событии»: «Мое наваждение — в приверженности Событию с молодости. Генетическая вмятина в душе» (Павловский, Гефтер, 2017: 218). Но также в определенном смысле это мышление было вневременным, поскольку Гефтер вполне допускал и даже обосновывал возможность выпадения человека, а значит, и историка, из исторического времени как такового. Пример истекшего времени — остров Эльсинор. Хотя все действующие лица участвуют, если так можно сказать, в «европрогнесе» (Горацио, Розенкранц с Гильденстерндром, сам король), именно Гамлет возвращает острову историческое время. Ценой горы трупов и События.

Понятие события находится в центре почти всех разработок Гефтера. Это и «the Событие» его мысли — Октябрьская революция, но и другие, например, Октябрь 1993 года, понимаемый им именно и прежде всего как историческое событие. Тезис, который мы хотим доказать в этом тексте, можно в общем виде сформулировать так. В конце 60-х годов прошлого века случилось «великое расхождение» между европейским и советским марксизмом, которые до этого момента, пусть и не без препятствий, взаимно обогащали друг друга идеями, понятиями, концептуальными схемами. Луи Альтюссер и постальтюссериянский марксизм сделали главным предметом рефлексии антагонизм, его онтологию, детерминированность, каузальность и так далее. Теория события Алена Бадью (2005) — плод именно этой «антагонистической» ветки работы с наследием Маркса.

В СССР же после 1968 года официальный марксизм превратился в выхолощенную догму. Герои советской интеллектуальной сцены ответили на это уходом от Маркса. Но не Гефтер. Его набросок теории события, содержащийся в неоконченном черновике «Заметки в связи с одной старой, но не устаревшей дискуссией», над которым Гефтер работал примерно с 1972 по 1975 годы, представляет собой «не-антагонистическую» вариацию развития этой темы. Те же вопросы, что стояли перед Альтюссером, Гефтер разрешает принципиально иначе, выходя к концептуализации события не обходным путем, через антагонизм, а напрямую, сразу начиная с дилеммы, которую так ясно сформулировал Зурабишвили. Какая история может вместить в себя производящее само себя (и историю) событие на его собственных правах? Реконструкция этого наброска Гефтера (полного и систематического изложения теории события он не дал и не хотел давать), таким образом, прямо выведет нас к точке актуальных дебатов об «историзме» и «событии» и, надеемся, внесет вклад в эти дебаты.

Перед тем, как приступить к работе, нужны некоторые предварительные разъяснения общего характера, связанные со спецификой теоретического аппарата Гефтера, с его этическими и методологическими установками и его биографическими обстоятельствами. Затем, используя указанный выше текст Гефтера в качестве фундамента, мы покажем, как могла бы выглядеть одна из концептуализаций исторического события «по Гефтеру», если бы он захотел заняться ее последовательной разработкой.

ИСТОРИК-ПАРРЕСИАСТ ПЕРЕД ЛИЦОМ КОНЦА ИСТОРИИ

Мыслителей советского периода сегодня требуется оценивать меркой, позволяющей сразу же установить — пророками они были или лжепророками. Если классик как-то «угадал» наше будущее из «мрачного советского прошлого», обычно речь идет о будущем «здесь и сейчас», значит, он пророк, его книги и статьи нужно читать, нужно устраивать конференции и учреждать стипендии его имени. Если же не угадал, классик подлежит забвению. Поскольку картина за окном все время меняется, мы бесконечно переписываем списки пророков и лжепророков, опираясь при этом лишь на «удовольствие узнавания», как это назвал однажды Квентин Скиннер.

Михаил Гефтер сделал все, что было в его силах, чтобы помешать желающим сыграть с ним в эту игру. Прежде всего, само его наследие может быть определено несколькими способами. Он, безусловно, хотел

отправить посылку в будущее, только вот никак не мог решить, что достойно быть в нее упакованным. Он не оставил после себя ни «всеобъемлющей» теории, ни *opus magnum*, который можно было бы выдать студентам в качестве визитной карточки, ни собрания сочинений. Тексты Гефтера сегодня, в лучшем случае, стали объектами теоретического своеволия, в худшем — разошлись на афоризмы, вроде «Сталин умер вчера» или «Третьего тысячелетия не будет».

В середине 70-х годов прошлого века Гефтер осознанно вышел из академической науки. Это решение в той политической ситуации было актом верности событию его жизни — Октябрю 1917 года. Верности и интеллектуальной, и личной, включая сюда и полноту личной ответственности. Но это решение в значительной степени затруднило работу с его наследием. Все, написанное им, может быть рассмотрено из нескольких углов: тексты историка-одиночки, опыты интеллектуала, испытывающего способность русского языка снова служить публичной мысли, историческая теология (или футурология) визионера, в конце концов, политические манифесты. Дело запутывают кажущиеся разрывы в тезаурусе, появление новых понятий и категорий, как будто взятых «из ниоткуда» и никак не связанных с ранее полученными результатами. А еще — умение выйти в речи на рубежи предельной ясности и резкости высказывания, и в смысле фокуса, и в смысле формы, которое, однако, резонировало в письме осторожностью и даже иносказательностью.

Чтобы распутать этот клубок, следует начать с тезиса, который сегодня понять сложнее всего. Гефтер никогда не высказывал «мнений», ни устно, ни письменно. Для него любое высказывание были этически фундированным поступком, обязывающим к действию. Увязывая между собой «Историзм и проблему исторического действия» (название его статьи, написанной для «Нового мира», но неопубликованной), он доводил эту связь до императива: раз Ленин «должен был попытаться» реализовать свою интеллектуальную жизнь в событии, тем самым и он, Гефтер, обязывался к опасному (для себя) мышлению.

Гефтер руководствовался беспрецедентной для своего века доктриной «речевого поведения», термин, заимствованный им у Выготского, но означающий нечто другое. Аналог «речевого поведения» Гефтера можно найти в интерпретации паррессии, данной Мишелем Фуко. То, что делает парресиаст, Фуко характеризует следующим образом: «Со времен Декарта совпадение убеждения и истины должно, с нашей точки зрения, достигаться в определенном ментальном опыте, которым является очевидность. С точки же зрения греков, совпадение убеждения

и истины достигается не в ментальном опыте, каковым является очевидность, а в речевой деятельности, которую и представляет собой парресия», «в парресии выполняется точное совпадение между убеждением и истиной» (Фуко, Карелечкин, 2020: 97). И еще: «парресиаст говорит нечто опасное [...] Я говорил не о языковом акте, а о языковой деятельности» (там же: 104), «парресия это полное саморазоблачение в своеобразном признании» (там же: 126). Последнее — принципиальный момент для Гефтера, поскольку признание соучастника истории в преступлении есть не покаяние, а нечто большее и высшее. Фуко пишет, что «роль парресиаста встречается среди таких фигур как моралисты и социально-политические критики» (там же: 131). Гефтер добавляет в список фигуру историка, ответственного за обращение с агентным прошлым в интересах настоящего и будущего.

Любые высказывания влекут ответственность, как и любые поступки, и они не могут быть просто так высказаны и взяты назад. Пересмотр позиций возможен, но он требует еще большего усилия, не очевидности новой истины или нового выбора, например, в форме озарения, а разбора причин, по которым такой выбор нужно сделать, причем именно сейчас. Упрямство Гефтера в этом вопросе дорого ему стоило. После XX съезда некоторые называли его «сталинистом». Он занял «непрогрессивную» позицию в конфликте вокруг «дела Бурджалова» и «Вопросов истории» в 1956 году и настаивал, что нужно сначала отрефлексировать сталинское руководство как феномен, порожденный революцией и советской властью, и только потом, если это будет оправдано, осудить Сталина.

После разгрома по указанию ЦК созданного Гефтером в Институте истории АН СССР Сектора методологии истории он мог бы попросту забросить Маркса и марксизм: от обиды, от переживаний, связанных с событиями 1968 года, началом «застоя» и так далее. Гефтер действительно двинулся в сторону от ортодоксального марксизма, но он сделал свой отход от Маркса предметом скрупулезной рефлексии, теоретической и биографической проблемой. Немногие из современников, столкнувшись с проблемой «засахаривания» теории и превращения ее в «учение», решились на это. Гефтер создал важный прецедент, и в серии текстов, написанных в 70-х годах (см. например, Гефтер, 1991), показал новые способы прочтения Маркса. «С Марксом у меня общий предмет — человечество. Я свой предмет в окно не швырял», говорил Гефтер в октябре 1993 года (Павловский, 2015: 30).

Если уместна метафора, то речь про дом, который не перестраивался и в котором не было заколоченных или заброшенных комнат. Дом

достраивался, менялась перспектива, открывающаяся из него, но Гефтер никогда не сжигал то, чему поклонялся, и не поклонялся тому, что раньше сжигал (не столь важно, сошлемся мы тут на Тургенева или на Вяземского). Если Гефтер написал меньше текстов, чем мог и хотел бы, то не потому, что тяготился тем, что думал и писал десять, двадцать или сорок лет назад. Его осторожность в письме объясняется вовсе не желанием «обойти» решение, к которому не хочется или неудобно возвращаться. Здесь снова возникает проблема парресиаста, который «противостоит и риторике, [...] и выводу, и строгости доказательства» (Фуко, Карелечкин, 2020: 63), а значит, способен действовать полноценно прежде всего и именно в речи.

Отсюда следует еще одно важное пояснение. Теоретические построения Гефтера могут показаться эклектичными. Но это тоже результат следования его собственным правилам. Гефтер практиковал «запрет на уступку — не какую-то частную, отдельную, а на уступку, которая, вобравшись внутрь и уютно устроившись в том месте, где у человека предполагается душа, начинает исподволь управлять его поступками и мыслями: от первых приползая ко вторым, а затем все чаще и все приметней от вторых к первым» (Гефтер, 2000: 7). Упрощение мысли — уступка, а значит, теория не должна стать результатом серии редукций, уступок, отказов, даже если они оправданы и удобны, например, для простоты и ясности изложения. Теория не может блеснуть на солнце отполированными деталями, это усложняющийся, испачканный и постоянно находящийся в работе инструмент.

Топливо мысли Гефтера — вопросы, а не ответы. Он не выкладывал кирпичную стену аргументов, один ряд, затем другой. Скорее, выложив один ряд, тут же сам испытывал его на прочность новыми вопросами. Отсюда его склонность в речи на ходу производить категории и концепты: они фиксируют не результаты абдуктивного рассуждения, а напряжения, схваченные через сознательно умножаемые вопросы. Вопросы удерживают теоретическое рассуждение от превращения в догму: «И тут и там не ответы, а лишь всегда вопросы. Вопросы, несводимые воедино» (там же). В этом смысле, любое усилие по реконструкции фрагмента «теории» Гефтера будет именно что насильственным: «не надо меня спрямлять», — его собственные слова.

Вопросы — ключ к пониманию сути работы историка, с точки зрения Гефтера. Во-первых, в предметном смысле. «Чаадаевский вопрос» об отношениях России и мировой истории, по мнению Гефтера, движет политической философией Пушкина, а затем Герцена и чуть ли

не Ленина, через «Апологию сумасшедшего» Чернышевского. Вопрос Рахметова о нужности таких, как он, людей-монстров, «страшных людей», для запуска широкого общественного движения — «перепахал» молодого Ульянова. Во-вторых, в методологическом. Одно из наиболее устойчивых различий, проводимых Гефтером, это различие между «прошлым» и «тем, что было». Симметричное различие он проводил между «вспоминанием» и «памятью»¹. Память, как и «то, что было», регистраторы, индексы, хранилища, архивы. Это не история, поскольку история «не энциклопедия описаний» (Павловский, 2015: 49). Воспоминание как усилие — ближе к сути того, что делает историк. Вопросы погружают историка в исследуемую проблему и позволяют представить ее как пространство действия, как сцену, а не как архивный индекс. Исходя из презумпции возможности для человека активно присутствовать в истории и действовать полноценным образом, Гефтер требовал того же от историка: представляя, исполняя историю.

Чтобы понять это, нужно преодолеть современное табу на идею, что происходящее может быть осознано и что альтернативы ему всегда, на самом деле, ясны, по крайней мере, в радиусе жизненного мира действующего. Мы исходим из предпосылки, что историческое время — это хаос представлений, чаще всего опрометчивых, ошибочных, но притом действительных². Но *Homo historicus* Гефтера предполагает существо, живущее в истории и творящее историю. Ни действующий, ни историк никогда не являются просто свидетелями внешнего по отношению к ним процесса. Человек имеет право, амбицию и интеллектуальные средства *отвечать* на исторический вызов, вторгаясь в «спонтанный» ход событий и настаивая на правах субъекта истории. То же историк делает по отношению к «прошлому», которое, строго говоря, с точки зрения Гефтера, не статично и не всегда находится у нас за спиной. Последний из тезисов о Фейербахе Гефтер воспринимал как методологическую установку.

Отсюда можно перейти к сложностям с вписыванием мысли и теоретических наработок Гефтера в стандартные сетки координат: метод и концептуальный аппарат, онтология и эпистемология, предмет и объект исследования, и так далее. Дело не в том, что все было смешано

¹Например, в интервью Андрею Караулову в марте 1990 года.

²В тексте 1975 года, который мы разбираем ниже, Гефтер приводит следующий пример: ошибка немца Гастгаузена насчет самоуправляемости русской общины (раз самоуправляема, значит, маленькая республика) порождает затем теорию русского социализма, теорию Герцена, имеющую огромные последствия для судеб империи (Гефтер, 1975: 59).

в кучу, совсем нет. Просто различия работали иначе, чем мы можем себе сегодня представить. Метод был связан с этикой *действия и ответственности*, с этикой же был связан и концептуальный аппарат. Говоря о неэтичном поведении исследователя, мы сегодня имеем в виду манипуляции с архивами, натяжку данных на «нужный» результат, плагиат. Для Гефтера неэтичным было спрямить аргумент, замести под ковер неудобный вопрос, всплывший посреди «озарения», упростить отношения между понятиями, чтобы донести мысль или получить нужную реакцию собеседника.

Гефтер интересовался «гносеологической», как называли тогда эпистемологию и теорию научного познания, проблематикой, но, судя по текстам, не считал ее первым предметом беспокойства историка. Вымышленные персонажи русской литературы XIX столетия, эпистемологические инструменты русской мысли, для Гефтера были вполне реальными историческими сущностями, более реальными, возможно, чем соседи по дому в Черемушках. В треугольнике «история — культура — повседневность», по Гефтеру, это базовая антропологическая развертка, с которой историк имеет дело, онтология не приписана к какой-то из вершин. В «Заметках на полях»³ к тексту Мартина Хайдеггера «Образ мира и его эпоха»⁴ Гефтер указывает на неточность в мысли Хайдеггера. Если разница между историей и естественными науками состоит в характере посылок, первая не нуждается в аксиомах, то тогда совсем не любое «опредмечивание прошлого» в истории выхолащивает это прошлое: сознательное, или иначе, если по Марксу, осознанное опредмечивание, ведет к критике прошлого и преодолению настоящего, так что историк совершенно не обязательно оказывается заложником постава.

Может сложиться впечатление, что ход мысли Гефтера, по большей части, был «холостым», опровергающим сам себя или удерживающим этическую установку. Это совсем не так. Его теории работали. Его тезис о «неслучайности Сталина» в судьбе русской революции широко распространился в 60-х годах, повлияв на разных людей, от режиссера Юрия Любимова до интеллектуалов в ЦК КПСС Анатолия Черныева и Александра Яковлева и руководителя Итальянской компартии Энрико Берлингауэра. Задолго до того, как понятия «глобальный Юг» и «глобальный Север» переключались из тезауруса *development studies*

³Копия машинописной рукописи предоставлена авторам М. Я. Рожанским.

⁴Опубликован на русском языке в 1976 году в реферативном сборнике «Современные концепции культурного кризиса на Западе» в переводе Владимира Бибикина.

в справочники Всемирного банка и статьи антропологов и социологов, Гефтер утверждал, что наиболее массовая и разрушительная волна беженцев и перемещенных лиц двинется с юга на европейский север, а не с востока на запад, как считалось сразу после падения Берлинской стены. Гефтер не уставал повторять, что монополизм унифицированных реформ правительства Ельцина-Гайдара (сегодня мы бы сказали «неолиберальная экономическая политика») приведет к пересозданию «социума власти» в России, иначе — специфической и исторически контингентной локальной модели правительности (Дин, Писарев, 2016), а не уничтожит ее.

Пожалуй, наиболее важным для дня сегодняшнего преимуществом концептуального аппарата Гефтера была способность продуктивно работать с проблемой финальности, идет ли речь о «конце истории» Фукуямы или «неизбежности» глобализации. Сделав эти мантры (так похожие на нынешние, вроде «мир после пандемии никогда не будет прежним») предметом острого сократического вопрошания, Гефтер утверждал, что и глобализация, и «конец истории» — не эмблемы торжества либерального мира, а симптомы его скорого упадка, поскольку само его существование и его претензия на универсальность были не причиной, а следствием биполярного мироустройства. Человечество не погружается в умиротворяющую кому потребления, свободной торговли и ветвящихся цепочек добавленной стоимости, свободно пересекающих границы государств и континентов. Напротив, события-разрывы происходят теперь буквально каждый день, но арсенала истории у Homo Sapiens под рукой может уже не быть. Сегодня это называют глобальным или «поздним» капитализмом: «„конец истории“ означает просто, что происходит все что угодно» (Джеймисон, Кралечкин, 2019: 629). Гефтер задолго до Фукуямы также называл это «концом истории», и, исходя из этого, говорил, что «третьего тысячелетия не будет».

«МАРКСОВ КОНТИНУУМ»

Текст, являющийся теоретическим фундаментом наших построений, сохранился в машинописном черновике под заголовком «Заметки в связи с одной старой, но не устаревшей дискуссией»⁵. Это последний текст Гефтера, писавшийся им как ученым и для ученых. Тогда он уже не

⁵Копия машинописной рукописи предоставлена авторам М. Я. Рожанским, пагинация приводится по этой копии.

оглядывался на советскую науку, текст адресован западным историкам-марксистам, прежде всего, Эрику Хобсбауму. «Заметки...» начинаются с отсылки к полемике, начавшейся за двадцать пять лет до их написания, в 1950 году, известной как Доббов симпозиум. Поводом для нее стали несколько тезисов английского экономиста Мориса Добба⁶, учителя Хобсбаума, по проблеме перехода от феодализма к капитализму. Доббу ответил ученик Шумпетера и учитель Теодора Шанина историк и экономист Пол Суизи, затем к дискуссии присоединились японский историк Кохахино Такахаши и его английские коллеги Родни Хилтон и Кристофер Хилл.

В значительной степени огрубляя ход этой дискуссии (*The Transition from Feudalism to Capitalism*, 1963), можно сказать, что дебатировался следующий вопрос: являются ли предпосылки перехода от феодализма к капитализму внутренними, связаны ли они только с распадом самой этой «формации», или в эти предпосылки нужно включать и какие-то иные элементы, зарождение протокапитализма, например? И шире — что, собственно говоря, есть эти «предпосылки» и «переход»? Добб полагал, что предпосылки были исключительно внутренними, Суизи, напротив, сначала решительно, затем с чуть меньшим пафосом, возражал. Когда дело дошло до публикации сборника, Добб в предисловии смог зафиксировать лишь один пункт, по которому удалось договориться: исторический материализм — живая развивающаяся теория, а не догма, предлагающая лишь «стереотипные ответы на набор заранее известных вопросов» (*ibid.*: 5).

В тексте «Заметок...» Гефтер не отвечает каждому из участников симпозиума, а отталкивается от возникшего в результате коллективной работы перечня нерешенных, но зато теперь внятно поставленных теоретических проблем. И суммирующего тезиса Добба об антидогматичности марксистской исторической мысли. Задача, которую пытается (в очередной раз) решить Гефтер: примирение исторического материализма с идеей «многовариантности истории» (Неретина, 2008: 219). Многовариантности, или контингентности, как бы мы сказали сегодня, и фактов — было так, но могло быть и иначе, — и исторической последовательности как таковой. Вот его собственная формулировка задачи: «Можно ли познать прошлое иначе как отталкиваясь от того, что оно собой „подготовило“». Речь идет существенным образом и о событии тоже: «Под вопросом [...] возможность изучать [...] „закон“

⁶О работах Добба см., например, Shenk, 2013

вне „события“» (Гефтер, 1975: 3). Такая версия исторического материализма должна дать теорию и инструменты для изучения «„задним числом“ непредуказанности прошлого или — как это ни парадоксально звучит — законов специфически (и эволюцией человечества созданной) непредуказанности.» (там же).

У предложенного Гефтером решения несколько теоретических источников. Один можно определить точно — это структурализм, поскольку Гефтер в тексте дает свою интерпретацию базового различия диахронии, синхронии и «третьего времени» из «Структурной антропологии» Леви-Стросса. Второй — новое прочтение Маркса, возможно, частично опирающееся на подход, предложенный Луи Альтюссером десятью годами ранее. Обе идеи — вернуться к Марксу и совместить его идеи со структурализмом — активно обсуждались советскими философами в конце 60-х годов как взаимодополняющие⁷.

Существенное сходство предлагаемой Гефтером версии прочтения Маркса с альтюссеровской состоит в том, что исторический материализм Маркса нужно противопоставить историософии Гегеля, а не сблизить с ней, чтобы опровергнуть тезис, будто марксистская версия истории — это механико-детерминистская докса, где роль демона Лапласа играет Гегель, сам Маркс, Владимир Ленин или Иосиф Сталин. Бенедетто Кроче сформулировал эту претензию еще в конце 40-х годов (напр. Сгосе, 1949: 64–67). Значит, нужно доказать, что исторический материализм не наследует детерминистские обертоны философии истории Гегеля и не заменяет в ней идеализм на материализм в его ньютоновском понимании.

В статье «Противоречие и сверхдетерминация», опубликованной в сборнике «За Маркса» в 1965 году, Альтюссер, характеризуя философию истории Гегеля пишет, что в ней «прошлое никогда не бывает смутным или непроницаемым, оно никогда не может стать препятствием. Оно всегда может быть переварено, поскольку оно всегда уже переварено заранее» (Альтюссер, Денежкин, 2006: 167). Сравним с Гефтером: «Не прав ли Гегель: „Начало продолжает лежать в основе всего последующего и не исчезает из него“ [...] Сейчас время сказать — совсем не так» (Гефтер, 1975: 22).

⁷М. К. Мамардашвили говорил об этом во время обсуждения статьи Луи Альтюссера «Историческая задача марксистской философии» с членами редколлегии журнала «Вопросы философии» в 1968 году (*Встреча* 2016: 46–54).

Следующий вопрос: что сделать точкой опоры в текстах Маркса и на какие именно тексты опереться? Точнее, нужно выбрать, о каком Марксе должна идти речь. В том же тексте Альтюссер вводит понятие «свердетерминированного противоречия», которое задано как теоретико-философское и наполняется историческим содержанием: *«противоречие Капитал-Труд никогда не бывает простым, [...] оно всегда приобретает специфическую определенность благодаря конкретным историческим формам и обстоятельствам, в которых оно выражается и действует»* (Альтюссер, Денежкин, 2006: 153). Это противоречие (капитал-труд) устроено намного сложнее Гегелевского противоречия, это уже не в чистом виде логическая категория: «являясь детерминантой, в то же время само детерминировано, причем детерминировано различными уровнями и различными инстанциями общественной формации, в которую оно вдыхает жизнь: мы могли бы сказать, что оно всегда принципиально свердетерминировано.» (там же: 145–146).

Но тем не менее очевидно возражение, отправляющее обратно к той критике, что была высказана Кроче и многими другими. Если историческое развитие невозможно без наличия базового, не простого, но все же базового противоречия, пусть и не вида «капитал-труд», свойственного только капитализму как «экономической общественной формации», а какого-то иного вида, само по себе это противоречие вынужденно, логически, полагается вне истории: «Если бы такая детерминация была истиной, действительной *для каждого общества*, связь между такой детерминацией и условиями, делающими ее возможной, не развивалась бы через контингентную историческую артикуляцию, но представляла бы априорную необходимость» (Laclau, Mouffe, 2001: 98). В карикатурном виде решение Альтюссера сводит всемирную историю к приключениям пары классов-антагонистов, которые, меняя наряды, путешествуют во времени.

Не ведя полемику напрямую с Альтюссером, Гефтер пишет, что у марксистской философии есть существенный изъян: «Будучи марксистами, мы предрасположены прежде всего искать связь мысли с действительностью» (Гефтер, 1975: 27), то есть отождествлять историческую реальность с теоретической моделью, а объективный процесс развития — с процессом революционных преобразований. Историк-марксист оказывается заложником своих теоретических ожиданий (там же: 5):

...в самом превращении всемирно-исторической «вертикали», хотя бы неполной, в современную «горизонталь» он вправе усмотреть нечто хорошо знако-

моему. Именно: идеальный (в философском, логическом) смысле образ мира, каким он представлялся в свое время Марксу. Правда, мы уже давно и не вполне заметно для себя сблизили этот идеальный образ мира с исторической реальностью, притом определенного отрезка времени, когда стремительное развитие революционного процесса внушало надежду, что он вот-вот превратится в буквально всеобщий, а его содержание полностью и прямо воплотит закон восхождения = превращения высшей-последней фазы капитализма в социализм [...] Таким образом, синхронизировались [...] скорее формы и уровни революционного действия, революционной «субъективности», чем различные типы жизнедеятельности, «объективного» «общественного развития».

Отождествление приводит к тому, что история (через теоретический идеал) и современность (через субъективную революционность) «спрямляются» марксистской теорией, а между теорией и историей «не вполне заметно» устанавливаются отношения гомологии. Исчезает возможность не только постигать законы «непредуказанности» (или «контингентность исторической артикуляции», как в приведенной выше цитате из опубликованной в 1985 году книги Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф), но и наблюдать ее.

За точку отсчета Гефтер принимает черновик Маркса, сделанный на ранних подступах к «Капиталу», примерно за год до начала работы над текстом «К критике политической экономии», так называемое «Введение» (Маркс, Айхенвальд, 1958: 709–738). Среди прочих, Маркс задается эпистемологическим вопросом: насколько годны труд и капитал как конкретные категории буржуазного общества для исторического анализа? Ответ отрицательный (там же: 732):

Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других общественных форм, то это надо принимать лишь *cum grano salis* [со щепоткой соли]. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде.

Важно: не прототипы труда и капитала в рудиментарном виде в предшествующих ему формах, например, базовое противоречие, а напротив, эти самые формы в изувеченном виде — в капитале и труде. Обратное — не буквально, но логически совпадало бы с аргументом Альтюссера и валидировало его. Следовательно, капитал начинает себя сам: «Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт» (там же: 734). Гефтер опирается на два этих тезиса Маркса. Сформулированный эксплицитно: капитал и труд в буржуазном обществе

включают в себя рудименты предшествующих общественных форм, которые не знали такого труда и такого капитала. И имплицитно: капитал сам по себе своя собственная причина (Гефтер, 1975: 8):

Маркс подчеркивал, что это движение [понятия «капитал» — прим. авторов] происходит на собственной основе — не только в логическом смысле [...], но и в ином смысле, который в равной мере может быть назван историческим и аисторическим. Ибо — сама основа этого универсального движения им же самим и создается. История без предыстории: генезис как «самопроисхождение», в этом смысле только историческая основа, противостоящая естественному фундаменту тех форм и способов жизнедеятельности, которые Маркс объединял общим наименованием органической строй.

Но тезис о «самопроисхождении» нуждается в дополнительной теоретической проработке. Гефтер вводит аксиоматическое различие: «Практическое движение — все в настоящем, в историческом настоящем. Теоретическое же не знает настоящего, а только идеальное будущее и идеальное прошлое. И то, и другое, прошлое и будущее, — запредельны миру товаров» (там же: 20). Речь о разных, на этом этапе не связанных темпоральных планах, а не о разных видах агентности. Практическое движение капитализма, его «абсолютное движение становления» (там же: 22), берется Марксом в эксплуатации, восемнадцатичасовом рабочем дне, детском труде, отчуждении, классовой борьбе, противоречии «труд-капитал» и так далее. Здесь нужны анализ прибавочной стоимости, разбор товарного фетишизма и ложного сознания, теория антагонизма-противоречия и классовой борьбы.

Эти инструменты могут, в частности, указать логические пределы развития капитализма, которые могут стать историческими, а могут и не стать. В этой связи Гефтер, например, ссылается на поставленную Марксом в третьем томе «Капитала» проблему земельной ренты и неизбежной неустойчивости структуры капиталистического общества, в котором есть буржуазия, пролетариат и земельные собственники, но нет места крестьянству. Однако эти инструменты не могут указывать античности, феодализму или коммунизму, какими они должны были быть или должны будут быть, поскольку они ни к чему, кроме «исторического настоящего», не применимы. Капитализм — не продукт самоотрицания феодализма, положительный гуманизм, хотя это и выглядит как парадокс, не продукт самоотрицания капитализма, в обоих случаях самоотрицание — важное условие, но не порождающая причина. Иначе —

снова призраком гегелевского начала, которое всегда лишь возвращается к себе самому. Это первый из двух смыслов «непредуказанности», многовариантности истории: инструменты анализа капитализма и его законов не ректроактивны.

Теоретическое движение устанавливает отношения между «будущим» и «прошлым»⁸, которые связаны в полюсную структуру (Гефтер, 1975: 22):

Будущее и прошлое полярны — и едины своей полярностью. Это не застывшие во льдах купола земли, а плюс и минус магнита, индуцирующие силовое поле — оно пульсирует, постоянно меняет очертания, кажется внешне независимым. Так теоретическое движение производит собою (и «отражает» собою) настоящее.

Историко-теоретическая задача Маркса состояла в том, чтобы дать, как пишет Гефтер, «строгую теорию преобразования будущего в прошлое» (там же). Что это значит? В цитированном выше тексте Маркса есть пассаж, который, кажется, понимать можно только иносказательно: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность?» (Маркс, Айхенвальд, 1958: 737). Гефтер интерпретировал это буквально как указание относительно онтологии истории и способа ее преобразования. Он обращает внимание, что в последние годы жизни в переписке с русскими революционерами Маркс «внушал им», что «не следует бояться слова „архаический“» (Гефтер, 1975: 21). Зачем? Потому что будущее это копия прошлого? Нет. Речь не про отождествление коммунизма с русской крестьянской общиной, хотя примордиализм можно, при желании, обнаружить и у Маркса. Исходя из анализа становления «исторического настоящего», историк должен различать два связанных отрицания капитализма: то, что было до него, и то, что может быть после. Различать, иначе второе будет тождественно первому, и тогда все, что можно сказать относительно «будущего-прошлого», будет банальностью, вроде «первые христиане были коммунистами». И различать каждый раз по-разному, поскольку само «историческое настоящее» все время изменяется.

⁸Предикат «идеальный» в данном случае означает, что вся полнота прошлого и будущего не доступна познанию, а не их идеализацию.

Из синтеза этих двух способов «взятия» истории возникает концептуальное ядро предлагаемой Гэфтером в середине 70-х версии исторического материализма — понятие «диахронической синхронии» (Гэфтер, 1975: 6):

Предполагая, что в глазах Маркса мир истории являл собой диахроническую синхронию, при которой прошлое-настоящее-будущее не только разверстаны во времени, но и существуют рядом, вместе, не столько параллельно, сколько одно в другом, в неотделимой связи и в конфликте друг с другом, — я не утверждаю, что таков, буквально, текстуально взгляд автора «Капитала». Я хочу лишь сказать, что при другом отношении к истории логика и архитектоника «Капитала» должны были бы быть другими.

СОБЫТИЕ МЕЖДУ ДИАХРОНИЕЙ И СИНХРОНИЕЙ

Получив на руки новую развертку исторического материализма, перейдем к событию. Где, на какой из осей этой развертки, происходят события? Гэфтер, например, говорил о «ценной синхронии неоднородных связей и событий» (Павловский, 2004: 22). Значит ли это, что события происходят на оси синхронии? В другом своем тексте начала 70-х «История и экономика: соединимы ли в едином предмете исследования»⁹, Гэфтер вводит два важных для нашего исследования различения (Гэфтер, б. д.: 13):

А как же события? Лишена ли их эпоха органического строя? Нет, разумеется. [Но, по-видимому, и слово «событие» нужно употреблять с той же историчностью, какой требует применение таких понятий, как «базис», «надстройка», «экономика», «гражданское общество».] Событие здесь — сколок с природы противоречий, о которых мы только что говорили. В событии ничего не создается, оно по существу ничего не меняет. Таковую событийность можно уподобить вулканизму. Заданность разрушается. Рушатся империи, уходят в небытие цивилизации, песок пустынь погребает их, подобно лаве вулканов. Но там, где они возникают снова, они начинаются с того, чем окончились.

Значит, вместе с такими понятиями, как «капитал» и «труд», понятие события имеет некоторый предел ретроактивности. Если для первых этот предел — возникновение капитализма как общественной формации (отдельный вопрос — методологическая сноровка историка, способного отделять в прошлом капиталистические феномены от феноменов других формаций), то каков этот предел для понятия события? В том же тексте

⁹Копия машинописной рукописи предоставлена авторам М. Я. Рожанским.

Гефтер определяет еще одно конститутивное свойство исторического события (там же: 7):

...ни рассуждения о том, что законы истории действуют через людей, ни оживление истории с помощью «человеческих» заставок и инкрустаций не сохраняют место для человека, если при этом прямо или неявно отвергается суверенность события — материализованного исторического действия.

Здесь снова мы вполне легитимно можем провести параллель с Альтюссером. В тексте «Приложения» к «Противоречию и сверхдетерминации», который был написан в те же годы, но опубликован только в 1996 году (Гефтер его не мог знать), Альтюссер критикует решение проблемы события Энгельсом (Энгельс, Айхенвальд, 1965: 393–397), и утверждает, что саму постановку вопроса о событии нужно радикально пересмотреть (Альтюссер, Денежкин, 2006: 183):

...следует (наконец-то!) изменить порядок постановки проблемы, следует поставить эту проблему по-иному. [...] мы никогда не сможем объяснить историческое событие [...], — если будем стремиться породить (неопределенную) возможность неисторического события. То, что делает то или иное событие историческим, — это отнюдь не тот факт, что оно является событием, но то, что оно встроено в формы, сами являющиеся историческими, в формы исторического как такового (формы базиса и надстройки) [...] Событие, которое определяется этими формами, которое способно быть определенным ими, которое является для этих форм возможным содержанием, которое на них воздействует, их затрагивает, укрепляет их или производит в них переворот, которое их провоцирует или которое провоцируют, отмечают или даже избирают они сами, — таково историческое событие.

Нет игры индивидуальных волей, которые сила классовой борьбы суммирует в результирующий событием вектор. Есть отбор. Если связать процитированный фрагмент с понятием сверхдетерминированного противоречия, можно заключить, что противоречие и есть та форма, что производит этот отбор. Собственно, эта форма делает нечто большее, поскольку вопрос о «просто событии» должен быть снят с повестки. Когда существует гомология между условной «ситуацией» и сверхдетерминированным противоречием, мы получаем шанс исторического события, без нее нет даже шанса, речь про мусор истории, ее отходы. Но Гефтер себе этот путь уже закрыл. События делятся на исторические и не исторические через конститутивное свойство первых — историческое действие, а не за счет гомологии с базовым антагонизмом. К тому же, исторические события были не всегда, человек существовал, он

претерпевал что-то и даже что-то делал, но это были спорадические всплески «вулканизма», а не события.

Значит, нужно вернуться к осям диахронии и синхронии. Диахронию Гефтер определяет так: «одна эпоха в затылок другой, строгая лестничная субординация, жесткая последовательность, которая даже не отвлечение от исторических фактов, а будто бы прямое отображение действительного хода событий...» (Гефтер, 1975: 50). В тексте «Заметок...» нет дефинитивного определения синхронии, возможно, Гефтер не хотел себя им связывать. Но попробуем его реконструировать по отрывку, который предвывает еще одно определение диахронической синхронии как «Марксова континуума» (там же: 17):

...теоретический радикализм, теоретическая — бескомпромиссная последовательность не вправе ограничивать себя «историческим фокусом своего времени». Закрытые на настоящем, они обрекают развитие на «развертывание» — безначальное и бесконечно тождественное себе. Тождественность, исключая самопроисхождение-проблему, исключает и всемирную историю. Ибо о последней можно говорить лишь постольку, поскольку генезис в новом и специфическом его смысле превращается в норму, в закон движения человеческого общества. Так рождается Марксова диахроническая синхрония.

Развитие как простое «развертывание», замкнутость на настоящем, на фокусе своего времени. Можно ли тогда сказать, что ось диахронии — это ось «будущее-прошлое», а ось синхронии — «историческое настоящее»? В «Заметках...» Гефтер, рассуждая, как вообще мыслима развертка диахронической синхронии, пишет (там же: 9):

Логически лишь движение капитализма на его же основе, движение, которое для этого само — предварительно — должно стать полным, абсолютным. Однако, чтобы стать таким, ему, очевидно, нужно время и *не нужно* ничего, кроме него самого. Не нужны обломки, остатки, пережитки «не-капиталистического» прошлого — не нужны для самопроисхождения, для главной, универсализирующей работы. Что же, в таком случае, универсализируется — что и во имя чего? Заколдованный круг. Причина отделена от результата. Мало того: результат (превращение в капитализм всего прежнего, всего «до») предшествует причине (становлению *мира товаров*). Будущее почти мистическим образом оказывается одновременно и впереди, и позади настоящего. Прошлое, соответственно, — позади и впереди его. Но так выглядит эта дважды перевернутая последовательность лишь в «обычном» временном измерении. Требуется же, видимо, что-то непривычное, чтобы реконструировать и понять

ее. Может, разгадка в природе исторического времени, в особой реальности его, представленной свойствами, которых лишено «физическое» время.

Это различие поможет сблизить оси диахронии и синхронии с осями «будущее-прошлое» и «историческое настоящее». Сами по себе диахрония и синхрония — это гетерогенные оси «физического» времени. Но когда они оказываются связаны в историческом времени, они становятся «будущим-прошлым» и «историческим настоящим». Речь таким образом про так называемое «третье время», которое вслед за Клодом Леви-Строссом искали и в герменевтике, например, Поль Рикер. Гефтер выучил французский в начале 70-х и знал текст «Структурной антропологии»¹⁰ (1958), где Леви-Стросс соотносит диахронию и синхронию с двумя режимами темпоральности, соответственно обратимым и необратимым (Леви-Стросс, Иванов, 1985: 186):

Проводя различие между языком и речью, Соссюр¹¹ показал, что язык можно рассматривать в двух взаимодополняющих аспектах — структурном и статистическом: язык обратим во времени, а речь во времени необратима. Но если возможно выделить в языке два вышеназванных уровня, то нет ничего невероятного в том, что нам удастся найти и третий. [...] Мы только что дали определение языка и речи через временные системы, к которым они соответственно относятся. Миф также использует третью временную систему, которая сочетает в себе свойства обеих названных временных систем. Миф всегда относится к событиям прошлого: «до сотворения мира» или «в начале времен» — во всяком случае, «давным-давно». Но значение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определенный момент времени, существуют вне времени. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее.

Затем Леви-Стросс проводит параллель между мифом и «политической идеологией»¹². Для историка Французская революция — это «целый ряд прошедших событий, отдаленные последствия которых, безусловно,

¹⁰Русские переводы фрагментов этой работы в машинописных копиях были в обороте с конца 60-х, в 1980 году краткое изложение «Структурной антропологии» было опубликовано в реферативном сборнике ИНИОН АН СССР (Для служебного пользования. Экз. №00315. Клод Леви-Строс. Структурная антропология (сборник переводов). М.: ИНИОН АН СССР, 1980) — источник: Владимир Бибахин. Для служебного пользования (с) Бибахин В. В., наследники (1999)

¹¹Русский перевод «Курса лекций общей лингвистики» впервые опубликован в 1933 году.

¹²В английском оригинале статьи, речь не о политической идеологии, а просто о политике, «politics» (Lévi-Strauss, 1955: 428–444).

ощущаются и нами, хотя они дошли до нас через целый ряд промежуточных необратимых событий» (там же). То есть историк имеет дело с синхроническими срезами сцепленных одновременных событий, которые даны как фотоотпечатки, нет последовательности событий, есть последовательность отпечатков их реляционных одновременных связей, необратимых внутри себя срезов¹³. Но политик в речах говорит совсем о другом, для него революция как «последовательность прошлых событий остается схемой, сохраняющей свою жизненность и позволяющей объяснить общественное устройство современной Франции, его противоречия и предугадать пути его развития». Этот мифо-политический уровень темпоральности «можно рассматривать как нечто абсолютное» (Леви-Стросс, Иванов, 1985: 186).

Таким образом, сопряжение диахронии и синхронии происходит или только в мифе, или только на верстаке историка. Революция, возможно, была. Это решать историку. Для политика же революция абсолютна¹⁴, поскольку в мифе обратимые события прошлого замирают в мгновения вечности. В «Неприрученной мысли» Леви-Стросс пишет: «мифологическое мышление, этот бриколер, разрабатывает структуры, расставляя события или скорее, остатки событий» (Леви-Стросс, Островский, 2008: 175). Время мифа, таким образом, связывает оси диахронии и синхронии через «схему» события — уже случившегося или того, которое должно с неотвратимой неизбежностью случиться в будущем. Так время мифа укрепляет диахроническими событиями синхронию повседневности и культуры, то есть структуру, но ценой того, что обратимые события становятся «вечными». Время мифа, domesticiруя события, позволяет им быть агентными, позволяет им случаться и причинять, но всегда в вечности. И никогда наоборот — время мифа не позволяет творить события здесь и сейчас.

Различие между историей и мифом — инструмент мысли Гефтера, который он тоже никогда не швырял в окно (Павловский, 2015: 52):

Если поделим человеческую историю на части, не сопоставимые по времени, но в чем-то близкие по важности, то первый, гигантской долготы отрезок

¹³Это очень близко, например, к решению Мишеля Фуко в «Археологии знания» или к идеям «Кембриджской школы».

¹⁴Такое решение предложил А. М. Пятигорский в коротком лекционном курсе «Что такое политическая философия», прочитанном в феврале 2006 года в Москве (Пятигорский, 2007).

был Homo mythicus. Человек Мифический не изобретает мифы, он в мифе живет. Миф как способ жизни человека.

История — тоже способ жизни человека. И, как и миф, конечный, исчерпываемый или исчерпывающий себя способ. Это может обосновать следующий наш ход. Вводимое Гефтером историческое время контрадикторно противопоставлено времени мифа Леви-Стросса, это его инверсия, а не отрицание, не «не-миф», а «анти-миф». Как и время мифа, историческое время соединяет синхронию и диахронию, разорванные в «физическом» времени. Но делает это принципиально иным способом. Если время мифа абсолютно, историческое время относительно. Если время мифа — это универсальная схема, то историческое время плюрално, то есть возможны сосуществующие, переводимые друг в друга, но структурно не тождественные разные «исторические времена» Время мифа позволяет диахроническому событию укрепить синхроническую структуру. Историческое время позволяет «материализованному действию», став событием, разрушить структуру. Если использовать совсем другой теоретический язык, время мифа позволяет только событиям означивать структуру, а историческое время позволяет синхронии, структуре, означивать события диахронии.

Итак, мы, кажется, смогли ответить на вопрос, что является онтологией диахронической синхронии — развертка исторического времени. Относительно события выяснили, что оно состоит из действий. Различим теперь историческое время как развертку «будущего-прошлого» и «исторического настоящего» и историю в предметном, техническом даже смысле. По Гефтеру, такая история называется эпоха (Гефтер, 1975: 43):

Христианством [...] подводится черта взаимодействию, выстроившему эпоху; мы видим, что это понятие нужное, в данном случае нужное не только для того, чтобы воспроизвести средиземноморскую историю *«как целое»*, но и для того, чтобы понять генезис следующих за ней эпох — «историй».

Синхрония Античного мира, развиваясь, приходит к христианству, которое замыкает эту эпоху, отрицает ее, являясь ее частью.

Внутри «органического строя» Маркса Гефтер, как ясно из предыдущих аргументов, различает неисторический (мифологический) и исторический этапы. Античность — переход от времени мифа к историческому времени, переход, в 1975 году понимаемый Гефтером в прямой связи с теорией «осевого времени» Ясперса, которая сильно повлияла на советскую мысль: можно назвать имена Михаила Петрова, антиковеда

Александра Зайцева и другие. «История начинает себя заново. Но начинается не календарной датой, а „вторым отрицанием“» (там же: 44), пишет Гефтер об античной Греции. Первобытность или «первобытный коммунизм» отрицается дважды — первый раз в форме деспотий Передней Азии и олигархий Аттики (Гефтер, 1975: 38), это естественное отрицание, «вулканизм». Затем происходит революция, результатом которой становится полисная демократия. Это «второе отрицание» (там же: 64), которое является уже не естественным, не «вулканическим» (или мифологическим), а историческим событием.

Разница между отрицаниями не только в логической форме — «отрицание отрицания» имеет в Гегелевской логике абсолютный приоритет. Разница — в осознанности «процесса революционного отрицания, неотделимого от той самой экономической стихии, против которой этот процесс субъективно направлен» (там же: 17). Естественное отрицание, таким образом, не субъективно и не осознанно, это не историческое событие. Первое такое событие, «мать всех событий» — это полисная революция. Ее онтология на оси синхронии. За счет переозначивания диахронических событий, возвращения им их релятивности и, следовательно, их историзации, революция создает «разрыв» в синхронии — ситуацию, когда «надстройка» может опередить свои материальные условия (там же: 40), свой «базис». Это тот самый момент «самоприсхождения» новой истории-эпохи, которая через означивание заново связывает оси «будущего-прошлого» и «исторического настоящего».

Вопрос. Это уже диархоническая синхрония Маркса? Не совсем. До разворачивания капитализма в «универсальность» в «физическом» времени было возможно одновременное сосуществование нескольких историй-эпох, нескольких конкурирующих исторических времен (там же: 44):

На спорный вопрос — средние ли средние века? — хочется ответить утвердительно. Однако, удастся ли тогда совместить не одно «горизонтальное» (гибель античного мира) с одним «вертикальным» (преемственностью исторического процесса), но также и две «вертикали» — феодальную и капиталистическую?

Существовало несколько конкурирующих связей «будущего-прошлого» с «историческим настоящим». Приведем пример. Античность, по Гефтеру, произвела «свободное время». В одной локальности одного и того же «физического времени», Европа XVI века, оно было использовано двумя диаметрально противоположными способами. Законы о бродяжничестве произвели Марксовых пауперов, будущий пролетариат

капиталистической Европы. Григорианский календарь способствовал на время сплочению Европы феодальной.

Но капитализм как формация претендует на универсальность, впервые в истории. Это не претензия правящего класса, не воля буржуазии «господствующих народов» из «Немецкой идеологии», не страстное желание Александра Македонского покорить всю Ойкумену, а конститутивное свойство «клетки» капитализма — товара. Товар претендует на универсальность, не класс, не нация, не вождь, не герой. Волны пространственной экспансии XVI и XIX столетий дают капитализму ресурсы для самообновления и при этом стремительно преобразуют те регионы, куда он вторгается и которые он захватывает. Маркс указывает, что в «историческом настоящем» есть вкрапления, дающие доступ к «идеальному прошлому», которое может дать модель будущего. Но речь только про модель, да еще только из европейской истории.

Гефтер описывает и другой способ революционного преобразования, связанный, но не тождественный первому. Внутри стремительно универсализирующегося капитализма, в его структуре, мы обнаруживаем гетерогенные ему и воздействующие друг на друга и на сам капитализм локальности, иные «исторические времена», захваченные, но не универсализированные до конца складки. Тогда аргумент Маркса относительно «архаического» — не только указание на образец «прошлого» отрицания капитализма, который за счет нового отрицания может дать образец будущего. Другое «историческое время» можно актуализировать в этом «историческом настоящем», в диахронической синхронии капитализма. Предметный анализ структуры капитализма как «исторического настоящего» отвечает на вопрос, возможно ли здесь и сейчас его самоотрицание, грубо говоря, ослаб ли капитализм в достаточной степени, это уже кризис или еще нет.

Тематизируемый Гефтером способ анализа «будущего-прошлого» дает возможность не только разработать модель отрицания, но и найти потенциал этого отрицания в складке другого «исторического времени», данной в этом «историческом настоящем». Если этот потенциал значим, для революции уже не нужен полностью ослабший, отрицающий сам себя капитализм. Чтобы стать событием, реализоваться и затем дорасти до эпохи, до нового, конкурирующего с капитализмом «исторического времени», действие может быть фундировано не только линейным «историческим настоящим», не только моделями его отрицания на оси

«будущее-прошлое», но и этой локальностью и ее материальным потенциалом. Это предельно мыслимый горизонт актуализации диахронической синхронии в историческом событии. К слову, этот же анализ обосновывает, что внутри диахронической синхронии капитализма возможна актуализация складки иного типа — не складки «исторического времени», а складки времени мифа.

ОНТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

Мы знаем, какова дефиниция события — «материализованное историческое действие». Мы установили, что оно может делать в логическом пределе: заново связывать оси «будущего-прошлого» и «исторического настоящего», начинать новую историю-эпоху, новое историческое время. Нужно решить последний вопрос — вопрос об онтологии события, но в связи с поставленной выше проблемой: оно состоит из действия, но действия, адресованного чему-то внешнему по отношению к себе. Любое историческое событие должно адресоваться потенциалу складки в структуре?

Посмотрим, как решает эту проблему Маркс-историк, Маркс, написавший «Восемнадцатое брюмера». Подготовку к событию переворота 2 декабря 1851 года Маркс анализирует скрупулезно, в деталях, и убедительно показывает, как действия, в том числе карикатурные, театральные, вычурные, кажущиеся бессмысленными, «накатывают» гравитацию события, которое еще не произошло (Маркс, Айхенвальд, 1957: 198):

Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало вперед свою тень, так это был государственный переворот Бонапарта. Уже 29 января 1849 г., всего лишь через месяц после своего избрания, Бонапарт сделал Шангарнье предложение в этом смысле. Его собственный премьер-министр Одилон Барро летом 1849 г. в завуалированной форме, а Тьер зимой 1850 г. открыто говорили о политике государственного переворота. В мае 1851 г. Персины еще раз попытался заручиться поддержкой Шангарнье в пользу переворота, а «Messager de l'Assemblée» предал эти переговоры гласности. Бонапартистские газеты при каждой парламентской буре угрожали государственным переворотом; и чем ближе надвигался кризис, тем смелее становился их тон. На оргиях, которые Бонапарт устраивал каждую ночь с фешенебельными мошенниками мужского и женского пола, всякий раз как только приближался полуночный час и обильные возлияния развязывали языки и воспламеняли фантазию, государственный переворот назначался на следующее утро [...] Тень уже покрывалась красками, как цветной дагерротип.

Однако затем читатель узнает, что успех переворота объясняется не только сноровкой Наполеона III, не только пассивностью «партии порядка», которая «отдала себя во власть событий», но, прежде всего, симпатиями парцельного крестьянства, молчаливого большинства первого Бонапарта, перешедшего по наследству Бонапарту второму. Онтология переворота в действиях: в инициативах министров, статьях сочувствующей прессы, в карнавале, который готовы устроить услужливые собутыльники. Но причина его успеха в той общественной силе, которая почти не появляется в разделах текста, где речь идет о событии *sui generis*. Действия и причина смыкаются посредством «*idees napoleoniennes*», идеологии нового бонапартизма, которая через прокламации Бонапарта играет на трех струнах ресентимента парцельного крестьянства: сильное правительство, сильная церковь, сильная армия. Речь, таким образом, о политических технологиях.

Решение Гефтера намного сложнее, поскольку ему знаком не только Маркс-историк, не только Маркс-теоретик, но и Ленин — философ-политик. Политика Ленина для Гефтера как теоретика и исследователя — ключ к пониманию теории Маркса, по крайней мере, до 1975 года, возможно, и после. Все, что может делать Наполеон, это создавать идеологическое тождество между будущим (после переворота) и прошлым (как было при первом Наполеоне). Это успех. Это переозначивание «будущего-прошлого». Это историческое событие. Но это и банальность. Прочитируем другой текст Гефтера, написанный в 1989 году (Гефтер, 1991: 406):

19 августа 1917 г. эсеры опубликовали сводку 242 наказов деревни крестьянским депутатам. Ленин без колебаний и промедлений принял ее. Я убежден, что *на* этот шаг и в такой именно форме решиться (среди большевиков) мог только он. Декрет о земле, зачитанный им с черновика на II Всероссийском съезде Советов 26 октября, явился поистине великим *историческим компромиссом*. Ближайшие судьбы России, и прежде всего выход ее из войны держав, были предрешены; предрешен был (этим же!) и разгон Учредительного собрания. Событие перешло в эпоху.

Передовой класс этого «исторического настоящего» — это пролетариат, его антагонизм с буржуазией станет мотором революции, альтернативы нет. Но Ленин зачем-то пытается превратить еще не случившуюся социалистическую пролетарскую революцию в крестьянскую, которая уже была и относится к другой эпохе. Крестьянству, по Марксу, вообще нет места в трехклассовом капиталистическом обществе. Но только так

Ленин открывает потенциал складки другого «исторического времени» в своем «историческом настоящем», ее агентную силу преобразования «исторического настоящего» в будущее. Связывая прошлое отрицание капитализма с будущим отрицанием уже не только на бумаге, не только в модели, а и в практическом движении, Ленин из исторического события — революции, свершившейся 25 октября 1917 года, — на следующий день делает новую историю-эпоху.

Разница между Бонапартом и Лениным в том, что Ленин не отождествляет прошлое и будущее. Он суверенно, сначала в голове и на бумаге, затем в действии различает их, устанавливает между ними новую связь и обращается к потенциалу диахронической складки в «историческом настоящем». Что тогда с онтологией события? Кажется, здесь можно найти решение, сказав, что речь идет о мере интенсивности. Любое историческое событие как действие адресуется как своему внешнему оси «будущее-прошлое», переопределяет, переозначивает эту ось за счет отрицания отрицания. Но только дойдя до высшей степени интенсивности, оно может делать агентной складку другого исторического времени в своем «историческом настоящем». Гегель и Маркс отличаются друг от друга не политическим идеалом, а строем мысли. Гегелю достаточно мышления, чтобы понимать историю, но действовать в ней он не хочет, поскольку не хочет превращаться в еще одно «живое воплощение субстанциального деяния мирового духа» (Гегель, Столпнер и Левина, 1990: 372). Для Гегеля действующий всегда оказывается мусором, который дух коварно использует в своих целях, а затем попросту выбрасывает на обочину. Наблюдатель, философ — вот позиция, которая позволяет увидеть это движение во всем блеске его подлинной объективности. Марксу, Ленину, Гефтеру, напротив, нужно субъективное отрицающее действие, чтобы не остаться на обочине.

Суммируем в виде очень условно наброска концептуализацию события в тексте «Заметок...». Для начала, скажем, что речь об историческом событии, которое не совпадает с социальным событием (напр. Филиппов, 2004) логическим устройством. Историческое событие не элементарно. Историческое событие не одномоментно. Историческое событие состоит из действий, являющихся по отношению к нему аффективными инвестициями (Laclau, 2006: 110) и предшествующих ему в «физическом» времени. Эти действия должны быть осознанными, то есть оценка их возможных последствий дается не через оценку рисков, а через оценку их возможного «вклада» в еще не случившееся событие. Действия, из

которых состоит историческое событие, ориентированы в своем историческом, а не «физическом» времени. Историческое событие имеет своим предметом означивание диахронии синхронией и изменение синхронии, ее подрыв. Поэтому историческое событие необратимо. Историческое событие масштабируется не действиями, из которых оно состоит, а внешним по отношению к нему, это градиент интенсивности — от переозначивания идеальной, модельной диахронии «будущего-прошлого» до актуализации потенциала складок других эпох в «историческом настоящем». Историческое событие может само перерасти в эпоху. Логически, если историческое событие может создать историю, оно может ее и прекратить, хотя в тексте «Заметок...» это не говорится прямо. Авария на четвертом энергоблоке ЧАЭС — не историческое событие. Норильское восстание 1953 года — историческое событие. Письмо Каменева и Зиновьева коллегам по партии 11 октября 1917 года — не историческое событие. Письмо Бухарина Сталину с Лубянки 10 декабря 1937 года — историческое событие.

Как взвесить шансы на успех события? Возможно ли это сделать, или историческое событие — это всегда прыжок в водопад, без каких-либо гарантий, что прыгающий выплывет? Тогда оценка успеха — мера личного авантюризма, поскольку оценку личного риска, чтобы действовать, накатывая гравитацию исторического события, нужно блокировать. Мы начали с вопроса о «непредуказанности» и установили уже один ее смысл в историческом материализме Гефтера: законы «исторического настоящего» не описывают прошлое, данное в историческом времени в виде диахронии «будущее-прошлое» и, после универсализации капитализма, в виде потенциала складки другого исторического времени. Теперь можно перейти ко второму значению «непредуказанности», к контингентности не только в смысле нелинейной «последовательности» эпох, но и к контингентности самих событий в «историческом настоящем». Гефтер строит аргумент из известного парадокса Александра Герцена. Герцен пишет, что России, принадлежит будущее. И пишет, что будущего нет. Как это понимать? Гефтер объясняет это через тезис о непредуказанности успеха события (Гефтер, 1975: 58):

Нет заданной поступательности, в этом смысле нет будущего. Что же есть? Есть «узор». Верховенство всегда принадлежало и будет неизменно принадлежать стихии. Не то, чтобы Герцен не видел различия между мыслящей материей и всем, что до нее, — он против преувеличений, против иллюзий замещения стихии графиком движения, выполняющего поставленную перед ним

единственную — разумную цель [...] Поэтому только мысленным, лишь идейным, рефлексивным путем не превратить вчерашнее завоевание и вчерашнее поражение в новую и тоже всемирную цель. Для этого необходима также смена почвы. Время мировой истории движется — и измеряется — раздвижением исторического пространства. Мысль — это, так сказать, всемирность I. Почва — всемирность II. У каждой из всемирностей своя стихия. Их соединение непредуказано. Но, когда они соединяются, происходит изменение «узора».

Кажется, что, проделав огромную работу, Гефтер вернулся обратно к Гегелю¹⁵. Да к тому же противоречит сам себе: если стихия всегда берет верх, то различие «вулканизмов» и исторических событий зависит от воли случая. Не так. Ной знает, что потоп будет, что он неизбежен. Диахрония, в которую ему довелось заглянуть, уже разметила структуру его повседневности. Он не может своими действиями отменить потоп, он даже не может в нем участвовать, речь о предназначении в чужом плане. Его действие ориентируется не на возможность, а на неизбежность события, которое уже случилось во времени мифа, хотя и отложено пока в «физическом» времени. Выбора нет. Онтология исторического действия героя Гегеля иная, во фрагменте из «Философии истории», на который Гефтер часто ссылался, речь тоже идет о мысли и материи (Гегель, Воден, 2000: 84):

Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов.

В этой схеме материя — это страсти, а спрямляющий ее к результату вектор — хитрость разума. Связка мысли и действия в историческом материализме устроена иначе. Действие, в отличие от страсти, — это посредник, а не проводник между мыслью и историческим событием. Действие может быть ошибочным. Оно может быть несвоевременным. Оно может быть «изолятом», то есть само может запереть себя в собственной суверенности, осознанно отказавшись от возможности предельного масштабирования. Такова природа «поступка», ключевого понятия словаря диссидентов. Но действие в отличие от страсти должно быть осознанным: через новое означивание диахронии «будущее-прошлое» и через

¹⁵ Позже, в 80-х Гефтер пересматривает идею «мыслящего движения» и откажется от нее.

направленность на открытый финал — на возможность исторического события в его результате. В этом, втором смысле, «непредуказанность», многовариантность, контингентность — не объясняемое, а объясняющее в историческом материализме Гефтера. То, что разрешает действовать в истории, а не то, что нужно объяснить, создав ту или иную теоретическую модель. Связь между двумя «непредуказанностями» — предмет отдельного вдумчивого разбирательства, возможно, решение вообще не может быть сформулировано на общих основаниях.

Остался последний вопрос, который мы должны осветить. В историческом времени мысль через действие результирует в историческом событии. Какова мера ответственности этой мысли? Мы, чтобы действовать, заблокировали оценку личных рисков. Но нужно ли оценивать другие риски? Содержится ли в действиях Ленина в августе и октябре 1917 года российская версия *Wagnerkrieg*, со всеми ее ужасами, которые еще не произошли, но неизбежно произойдут. Или не неизбежно? И это и есть тот самый второй смысл «непредуказанности» истории? Самый сложный вопрос, по многим причинам.

Развертку исторического времени дает Гефтер-теоретик, вдумчивый читатель Маркса, равный собеседник философов-марксистов своего, да и нашего времени. Это наблюдатель. Но Гефтер-историк должен не просто понимать Ленина, но должен, как и Ленин, реализовать свою интеллектуальную жизнь в событии. И тогда событие Октябрьской революции неизбежно включает в себя риск новой Крестьянской войны, но не в Германии XVI века, а в России начала XX. А диссидентство Гефтера включает в себя риск катастрофы: исчезновения второй, конкурировавшей с капитализмом «вертикали», исчезновения, которое может отбросить человечество к очередной точке «конца истории». Противоположный по смыслу ход, ограничивающий событие тем, что доступно не в историческом, а только в «физическом» времени, на уровне теории потребует пересмотреть развертку исторического материализма, на уровне прикладного исторического исследования не позволит увидеть истинную роль крестьянских наказов в революции 1917 года. «Непредуказанность» — это «принцип надежды», а не этическая оговорка.

Остается последний вопрос. Мы должны попытаться объяснить, почему исторический материализм Гефтера содержит в себе эту огромную угрозу для желающего действовать в истории. Гефтер, кажется, не знал работ Поля Рикера. Но сходство легко обнаружить. В «Конфликте интерпретаций» Рикер, тоже отталкиваясь от аргументов Леви-Стросса, ищет ответ на вопрос о начале истории (Рикер, Вдовина, 2008: 106):

Я отнес бы слова: «историчность» — «историчность традиции» и «историчность интерпретации» — к любому пониманию, которое — открыто или скрытно — осознает себя в качестве философского самопонимания «я» и понимания бытия. Миф об Эдипе предстает в таком случае герменевтическим пониманием, когда он, уже благодаря Софоклу, понимается и воспроизводится в качестве первого востребования смысла, в качестве размышления о признании «я», о борьбе за истину и о «трагическом познании».

Историю начинает вопрос о субъекте, отсюда метафора «Елисейский полей», синхронии встречи диахронических философских концептуализаций, где Платон «*может* отвечать своему младшему сыну Декарту» (Рикер, Вдовина и Мачульская, 2002а: 71). Исторический субъект Рикера, таким образом, это вынуждено платоновский субъект, поскольку вопрос об истине, который делает историю (и историю философии) синхронической, это вопрос субъекта об истине себя и своего бытия. Там, где субъект Рикера начинает историю вопросом о себе, субъект Гефтера начинает ее вопросом о действии, отрицание отрицания — субъективное действие, по Гефтеру. И это не платоновский субъект, поскольку его не интересует истина себя, более того, она ему, кажется, противопоказана. Его интересует истина действия. Герцен, равный масштабом Марксу герой «Заметок...» Гефтера, не спрашивает себя, кто он после поражения революции 1848 года. Он спрашивает себя, что делать дальше. Как и Маркс. Будущего не существует, история — пестрый ковер, который мы ткем вместе с другим. Разница лишь в степени осознанности.

А что стоит за осознанностью? Не в смысле рикеровского же «подозрения» или скрытого мотива: еврейство Маркса и распроданное серебро жены, казнь Александра Ульянова и подлость симбирцев, в одночасье отвернувшихся от семьи казненного, унижения Сталина теоретически подкованными Рязановым и Стэнном. А в смысле той операции, которую должна совершить еще неприрученная мысль, чтобы выйти из времени мифа во время истории. Рикер пишет, что самый главный риск для исторического мышления — воображение, поскольку память и воображение, несмотря на внешнее подобие, разделены феноменологически (Рикер, Вдовина и Мачульская, 2002b: 85). Кто ты есть и кем ты себя воображаешь — не одно и то же. Правда. Но, с другой стороны, как иначе ответить на вопрос, кем ты хочешь быть?

Будет ли преувеличением тезис, что для Гефтера связка синхронии и диахронии, которая может породить историческое время, это воображение? Возможно. Но как, если не благодаря силе воображения, Рахметов мог «глубоко перепахать» молодого Ульянова? Гефтер

говорил, что именно культура античной Греции «показывает, какую роль со времен греков в человеческой истории играет воображение» (Павловский, 2015: 46). Разве не одно только воображение (теоретическое, в первую очередь, но только ли теоретическое?) может создать диахроническую ось, где прошлое и будущее будут динамической парой, дойти до парадоксальной идеи означивания ее «историческим настоящим», которое только так и может изменить себя и даже открыть новое историческое время? Рикер пишет, что риск воображения в истории состоит в провале в галлюцинацию. И, добавим мы, в прекращении истории как таковой таким образом. Отсюда — две принципиальные для Гефтера в конце жизни исторические фигуры: поздний Маркс, ошеломленный и сбитый с толку триумфальным шествием планетарного капитализма. И безъязыкий Ленин в Горках, «Ленин в финале истории, и она истощилась в нем и при его участии» (там же: 57).

Что делать историку? Гефтер дает два ответа. В тексте «Заметок...» он пишет, что невозможно отрицать привилегию историка, находящегося в другом историческом времени с объектом его исследования. Нельзя пытаться спрятаться в башне теории, поскольку «теоретическое движение» историка все равно может результировать в «историческом настоящем», а не только в «идеальном прошлом» или «идеальном будущем». Не поможет и «философское шаманство» (Гефтер, 1975: 45) рефлексивности. Историк, добывая истину, неизбежно соучаствует в «превращении истины в факт» (там же) своего «физического» и исторического времени. И «пытаться выскочить из этой ситуации просто нелепо. Остается стоицизм в признании ее, в сознательном и самокритическом отношении к тому, что неотторжимо от собственно человеческой активности, от исторического действия» (там же: 44–45). Но, закончив текст, Гефтер принимает уже не теоретическое, а биографическое решение. И уходит из науки, чтобы действовать в истории.

Здесь пути авторов этого текста расходятся. Социолог скажет, что игра не стоит свеч. Чистота и консистентность верного теоретического аргумента дают возможность увидеть последствия действия, данные во всем величии своих объективных возможностей, включая рискованно-катастрофические. Можно и нужно действовать в теории раз она призвала тебя, и здесь исчислимые мыслью последствия могут быть на ее совести. Но, чтобы действовать в истории, нужно отбросить работающую теорию, которая показывает тебе, что *может* из нее родиться, и положиться на многовариантность. Положиться вслед за Лениным, например, на призрачный шанс, что, хотя новая *Wauernkrieg* уже видна

в теоретической оптике, в историческом настоящем ее может и не быть. Воображение всегда ослепляет, это шоры. Зачем ослеплять собственную мысль? Разве не такова сборка любой исторической катастрофы?

Историк резонно возразит, что разве не такова сборка *любого* события, которое мы ретроспективно называем историческим? Хотел ли Колумб, доказывая сферичность Земли, геноцида коренных народов обеих Америк? Хотел ли Ленин, доказывая правоту Маркса, гражданской войны и антимарксистского «военного коммунизма»? В конце концов, хотел ли Сталин дойти до репрессий¹⁶, придумывая вместе с Бухариным в 1926 году «социализм в отдельно взятой стране», чтобы опровергнуть тезис классиков о «действии господствующих народов, произведённом „сразу“, одновременно» (Маркс и Энгельс, Айхенвальд, 1955: 34)? Мышление — историческое, теоретическое, вообще любое строгое мышление, — нужно, чтобы преодолевать паралич, закладываясь на многовариантность, и осознанно действовать. В противном случае, в истории оно работает вхолостую и всегда только ретрокаузально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не утверждаем, что именно такова была концептуализация исторического события Гефтера в 1975 году. Мы лишь утверждаем, что это не только весьма возможно, но и объяснимо кругом его чтения конца 60-х и начала 70-х годов. Это вытекает из суммы тех теоретических шагов, что он сделал в тексте «Заметок...» и в сопровождающих эту работу текстах того же периода. Возможно, это все же не решение Гефтера. Но оно консистентно и вписывается в систему различений, что он выстроил в тексте. Это не твердая гарантия, дать которую могло бы лишь скрупулезное расследование, в том числе в несуществующем в данный момент в целостном виде архиве Гефтера. Но здесь нечто большее, чем просто объективная возможность.

Отвечая на вопрос, поставленный в начале текста, мы можем сказать следующее. Как и утверждают сегодня некоторые философы, не история непримирима с событием, а развертка истории как детерминистской онтологии. Событие — точка отсчета исторического мышления, история, вмещающая событие, контингента. Но и само событие тогда не может

¹⁶ Александр Пятигорский в документальном фильме Валерия Балааяна «Чистый воздух твоей свободы» (2004) говорит следующее: «только полные исторические идиоты не понимают, что страшный сталинский террор был возможен, потому что в каком-то смысле эти люди были готовы к тому, чтобы быть убитыми, и в каком-то смысле хотели этого. Они дали этому случиться. Они сделали это вместе с палачами» (Пятигорский, 2004).

быть детерминировано своими компонентами, оно также контингентно. Выбор в пользу преданного события-разрыва, будь то распад СССР или «неизбежность» экологической катастрофы, приведет нас в другую онтологию, поскольку такие события свершаются во времени мифа, а значит, здесь и сейчас являются идеологиями. Обозначенное Гефтером место встречи события и истории — это не миф, не идеология и не априоризм, а осознанное действие. Является ли такое решение «корреляционистским» и каковы его возможные теоретические следствия — вопросы для дальнейшей дискуссии, вклад в которую Михаила Гефтера нам еще только предстоит осмыслить.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтюссер Л.* Противоречие и сверхдетерминация // За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. — М. : Праксис, 2006. — С. 127–186.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнер, М. И. Левиной. — М. : Мысль, 1990.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена. — СПб. : Наука, 2000.
- Гефтер М. Я.* История и экономика : соединимы ли в едином предмете исследования. — Б. д. — Неопубликованная рукопись.
- Гефтер М. Я.* Заметки в связи с одной старой, но не устаревшей дискуссией. — 1975. — Неопубликованная рукопись.
- Гефтер М. Я.* Россия и Маркс // Из тех и этих лет / под ред. Е. И. Высочинной. — М. : Прогресс, 1991. — С. 37–63.
- Гефтер М. Я.* Россия : диалоги вопросов. — М. : Утопос, 2000.
- Джеймисон Ф.* Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / под ред. А. Олейникова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Институт Гайдара, 2019.
- Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. — М. : Наука, 1985.
- Леви-Стросс К.* Тотемизм сегодня : Неприрученная мысль / пер. с фр. А. Островского. — М. : Академический Проект, 2008.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 8 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. — С. 115–217.
- Маркс К.* Введение : Из экономических рукописей 1857–1858 годов // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И.

- Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. — С. 709–738.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. В 50 т. / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 7–544.
- Мейясу К. После конечности : Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. — М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Неретина С. С. Философские одиночества. — М. : ИФРАН, 2008.
- Павловский Г. О. Тренировка по истории. — М. : Русский институт, 2004.
- Павловский Г. О., Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. — М. : Европа, 2015.
- Павловский Г. О., Гефтер М. Я. Павловский, Гефтер / под ред. В. Быковой. — М. : Европа, 2017.
- Пятигорский А. М. Чистый воздух твоей свободы / Theory, Practice. — 2004. — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9751-aleksandr-pyatigorskiy> (дата обр. 1 июня 2020).
- Пятигорский А. М. Что такое политическая философия: размышления и соображения : цикл лекций. — М. : Европа, 2007.
- Регев Й. Коинциденология. — М. : Транслит, 2015.
- Рикер П. История и истина / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. — СПб. : Алетейя, 2002а.
- Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. С. Вдовиной, А. И. Мачульской. — СПб. : Алетейя, 2002б.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / пер. с фр., под ред. И. С. Вдовиной. — М. : Академический проект, 2008.
- Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. — 2004. — Т. 44, № 5. — С. 3–28.
- Фуко М. Речь и истина : лекции о парресии (1982–1983) / под ред. М. Маяцкого ; пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
- Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху 21 [–22] сентября 1890 года // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 37 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1965. — С. 393–397.
- Bedau M. A. Downward Causation and Autonomy in Weak Emergence // Emergence : Contemporary Readings in Philosophy and Science / ed. by M. A. Bedau, P. Humphreys. — Cambridge : MIT Press, 2008. — P. 155–188.
- Coombs N. History and Even : From Marxism to Contemporary French Theory. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015. — DOI: 10.3366/edinburgh/9780748698998.001.0001.
- Croce B. An Essay in Communist Philosophy // My Philosophy / trans. from the Italian by E. F. Carritt. — London : Allen & Unwin, 1949.
- Laclau E. Ideology and Post-Marxism // Journal of Political Ideologies. — 2006. — Vol. 11, no. 2. — P. 103–114.

- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics. — London : Verso, 2001.
- Lévi-Strauss C.* The Structural Study of Myth // *The Journal of American Folklore.* — 1955. — Vol. 68, no. 270. — P. 428–444.
- Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society.* — 2000. — Vol. 29, no. 4. — P. 507–548.
- Shenk T.* Maurice Dobb : Political Economist. — London : Palgrave Macmillan, 2013. — DOI: 10.1057/9781137297020.
- The Transition from Feudalism to Capitalism / ed. by P. Sweezy. — NY : Science & Society, 1963.
- Wagner-Pacifici R. E.* What is an Event? — Chicago : The University of Chicago Press, 2017. — DOI: 10.7208/chicago/9780226439815.001.0001.

Pavlovskiy, G. O., and K. B. Gaaze. 2020. "Marks i teoriya sobytiya Mikhaila Geftera [Marx and Michael Geffer's Theory of the Event]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 14 (2), 165–202.

GLEB PAVLOVSKIY

DIRECTOR OF THE RUSSIAN INSTITUTE, MOSCOW

KONSTANTIN GAAZE

MA IN SOCIOLOGY; LECTURER AT THE MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES

MARX AND MICHAEL GEFFER'S THEORY OF THE EVENT

Submitted: June 10, 2020. Accepted: June 19, 2020.

Abstract: This article is an attempt to reconstruct the theory of the event of the Soviet philosopher, social theoretician and historian Michael Geffer. Based on his unpublished texts written in the 70s, authors return his version of historical materialism to the context of the debates on the status of the event and historical determinism, which took place in European Marxism at that time. The basic unfolding of historical materialism of Geffer — diachronic synchrony, — is one of the most interesting theoretical solutions, which combines structuralism and a new reading of Karl Marx's political economic works. According to Geffer, a historical event is possible as a fulfillment of the potential of diachronic axis "future-past" in the "historical present" by means of signifying of diachrony by synchrony, in contrast to the "eternal" diachronic event, which exists in the "mythological time" and signifies synchrony. The reconstruction we propose demonstrates the potential of Geffer's version of historical materialism and his theory for the methodology of historical knowledge, modern social theory and speculative philosophy.

Keywords: Methodology of History, Diachrony and Synchrony, Event Theory, Geffer, Marx.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-2-165-202.

REFERENCES

- Al'tyusser, L. [Althusser, L.] 2006. "Protivorechiye i sverkhdeterminatsiya [Contradiction et surdétermination]" [in Russian]. In *Za Marksa [Pour Marx]*, trans. from the French by A. V. Denezhkin, 127–186. Moskva [Moscow]: Praksis.
- Bedau, M. A. 2008. "Downward Causation and Autonomy in Weak Emergence." In *Emergence: Contemporary Readings in Philosophy and Science*, ed. by M. A. Bedau and P. Humphreys, 155–188. Cambridge: MIT Press.
- Coombs, N. 2015. *History and Even: From Marxism to Contemporary French Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press. doi:10.3366/edinburgh/9780748698998.001.0001.
- Croce, B. 1949. "An Essay in Communist Philosophy [Un saggio in Filosofia Comunista]." In *My Philosophy [La mia filosofia]*, trans. from the Italian by E. F. Carritt. London: Allen & Unwin.
- Din, M. [Dean, M.] 2016. *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]* [in Russian]. Ed. by S. M. Gavrilenko. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Dzheymison, F. [Jameson, F.] 2019. *Postmodernizm ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]* [in Russian]. Ed. by A. Oleynikov. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Engel's, F. [Engels, F.] 1965. "Pis'mo Yozefu Blokhu 21 [-22] sentyabrya 1890 goda [Brief an Josef Bloch 21 [-22] September 1890]" [in Russian]. In vol. 37 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 393–397. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Filippov, A. 2004. "K teorii sotsial'nykh sobyitiy [On the Theory of Social Events]" [in Russian]. *Logos [Logos]* 44 (5): 3–28.
- Fuko, M. [Foucault, M.] 2020. *Rech' i istina [Discours et vérité]: lektsii o parrésii (1982–1983) [Précédé de La parrésia]* [in Russian]. Ed. by M. Mayatskiy. Trans. from the French by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Gefter, M. Ya. N. d. *Istoriya i ekonomika [History and Economy]: soyedinimy li v yedinom predmete issledovaniya [Are They Compatible in a Single Subject of Research]* [in Russian]. Unpublished Manuscript.
- . 1975. *Zametki v svyazi s odnoy staroy, no ne ustarevshey diskussiyey [Notes in Sonnection with an Old but not Outdated Discussion]* [in Russian]. Unpublished Manuscript.
- . 1991. "Rossiya i Marks [Russia and Marx]" [in Russian]. In *Iz tekh i etikh let [From Those and These Years]*, ed. by Ye. I. Vysochina, 37–63. Moskva [Moscow]: Progress.
- . 2000. *Rossiya [Russia]: dialogi voprosov [Dialogues of Questions]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Utopos.
- Gegel', G. V. F. [Hegel, G. W. F.] 1990. *Filosofiya prava [Grundlinien der Philosophie des Rechts]* [in Russian]. Trans. from the German by B. G. Stolpner and M. I. Levina. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 2000. *Lektsii po filosofii istorii [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte]* [in Russian]. Trans. from the German by A. M. Voden. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Laclau, E., and C. Mouffe. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.

- Lévi-Strauss, C. 1955. "The Structural Study of Myth." *The Journal of American Folklore* 68 (270): 428–444.
- Levi-Stross, K. [Lévi-Strauss, C.] 1985. *Strukturnaya antropologiya [Anthropologie structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by Vyach. Vs. Ivanov. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2008. *Totemizm segodnya [Le totémisme aujourd'hui]: Nepriruchenmaya mysl' [La pensée sauvage]* [in Russian]. Trans. from the French by A. Ostrovskiy. Moskva [Moscow]: Akademicheskii Proekt.
- Marks, K. [Marx, K.] 1957. "Vosemnadsatoye bryumera Lui Bonaparta [Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte]" [in Russian]. In vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 115–217. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 1958. "Vvedeniye [Einführung]: Iz ekonomicheskikh rukopisey 1857–1858 godov [Aus wirtschaftlichen Manuskripten von 1857–1858]" [in Russian]. In vol. 12 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 709–738. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Meyyasu, K. [Meillassoux, Q.] 2015. *Posle konechnosti [Après la finitude]: Esse o neobkhozhdymosti kontingentnosti [Essai sur la nécessité de la contingence]* [in Russian]. Trans. from the French by L. Medvedeva. Moskva [Moscow]: Kabinetnyy uchenyy.
- Neretina, S. S. 2008. *Filosofskiyе odinchestva [Philosophical Solitude]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IFRAN.
- Pavlovskiy, G. O. 2004. *Trenirovka po istorii [History Training]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkiy institut.
- . 2015. *Tret'yego tysyacheletiya ne budet [There Will be no Third Millennium]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Pavlovskiy, G. O., and M. Ya. Gefter. 2017. *Pavlovskiy, Gefter [Pavlovsky, Gefter]* [in Russian]. Ed. by V. Bykova. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Pyatigorskii, A. M. 2004. "Chisty y vozdukh tvoey svobody [The Pure Air of Your Freedom]" [in Russian]. Theory and Practice. Accessed June 1, 2020. <https://theoryandpractice.ru/posts/9751-aleksandr-pyatigorskii>.
- Pyatigorskii, A. M. 2007. *Chto takoye politicheskaya filosofiya: razmyshleniya i soobrazheniya [What is Political Philosophy]: tsikl lektsiy [Reflections and Considerations]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Regev, Y. 2015. *Koinsidentologiya [Coincidentally]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Translit.
- Riker, P. [Ricoeur, P.] 2002a. *Istoriya i istina [Histoire et vérité]* [in Russian]. Trans. from the French by I. S. Vdovina and A. I. Machul'skaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- . 2002b. *Pamyat', istoriya, zabveniyе [La mémoire, l'histoire, l'oubli]* [in Russian]. Trans. from the French by I. S. Vdovina and A. I. Machul'skaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- . 2008. *Konflikt interpretatsiy [Le conflit des interprétations]: ocherki o germevnutike [Essais d'herméneutique]* [in Russian]. Ed. and trans. from the French by I. S. Vdovina. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proekt.
- Shenk, T. 2013. *Maurice Dobb: Political Economist*. London: Palgrave Macmillan. doi:10.1057/9781137297020.
- Sweezy, P., ed. 1963. *The Transition from Feudalism to Capitalism*. NY: Science & Society.
- Wagner-Pacifci, R. E. 2017. *What is an Event?.* Chicago: The University of Chicago Press. doi:10.7208/chicago/9780226439815.001.0001.